И. Кычаков
А. Чмыхало

Хакасские сказки

И. Кычаков, А. Чмыхало

Хакасские сказки

рисунки
И. Хантемирова

ИРКУТСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1952

ПРЕДИСЛОВИЕ

На юге Красноярского края, в полукольце Саянского хребта лежит Хакассия — страна скалистых гор, обширных степей и полноводных рек. И живут там трудолюбивые и смелые люди — охотники, скотоводы и земледельцы.

До Великой Октябрьской социалистической революции хакасский народ находился под двойным гнетом. Местные баи и шаманы обирали и обманывали простых людей, а царские купцы и чиновники беззастенчиво грабили и разоряли страну. Хакасы не имели своей культуры, своей письменности, они не имели даже своего имени — их называли презрительной кличкой — «инородцы».

Только при советской власти узнал хакасский народ радость свободного труда. Необозримые колхозные нивы и мичуринские сады шумят в хакасских степях, которые считались раньше бесплодными. В горах — рудники и гиганты-заводы. В тайге раскинулось обширное лесное хозяйство.

Неузнаваемо изменился культурный облик народа. Выросли большие города. Хакассия имеет своих Героев Социалистического Труда, учёных, инженеров, писателей. Хакасские ребятишки учатся в школах, и перед ними открыты широкие дороги к высшему образованию.

Издавна существует в хакасском народе устное поэтическое творчество. Из поколения в поколение передаются героические былины и песни, волшебные сказки, мудрые пословицы и поговорки. Почти в каждом улусе есть талантливые сказочники-хайджи — выразители надежд и чаяний народа.

При советской власти народное творчество расцветает с новой силой.

Вдохновенные песни, прославляющие нашу великую Родину, звенят на просторах Хакассии.

— Это улусы запели
Это
Юность сама поёт,
Это из сердца,
В лучи одета,
Радость, сверкая, бьёт. —

Так говорит в одном из своих стихотворений о новой Хакассии поэт и учёный Н. Г. Доможаков.

Произведения сказителей записываются, литературно обрабатываются, переводятся на другие языки, изучаются учёными, знатоками фольклора.

В поэтическом творчестве хакасского народа особенно распространены героические сказания об алыпах — отважных богатырях — защитниках простых людей.

Сказка «Чинисчи-победитель» написана по мотивам этих народных былин. Её герой — простой пастух, которого хан-богатей наделил позорной кличкой — Чалджи, что значит «батрак». Чалджи освобождает свой народ от произвола богачей и шаманов, и люди дают ему почётное имя — Чинисчи, что по-хакасски означает «победитель».

Образ Чинисчи — собирательный, он воплотил в себе лучшие черты сказочных богатырей.

В сказке присутствует народный певец — дедушка Айдок, который поёт былину о Чинисчи. Его внимательно слушают любознательные маленькие хакасы.

Второй раздел книжки — «Сказки старого анчи» [1] содержит наиболее популярные охотничьи сказки, записанные авторами от сказителей Кадышева, Доброва и других.

Хакасские сказки появляются на русском языке в литературной обработке впервые. Они дают читателю представление о поэтическом творчестве хакасского народа.

[1] Анчи — охотник.

Чингачгук-Победитель

(Из сказок хайджи Айдока)

...В нашем улусе живёт старенький-старенький дедушка. Зовут его Айдок. Многое видел он за свою долгую жизнь. Он растил скакунов, ловил рыбу, пас овец, убил не одну белку, вспахал не одно поле.

Но всё же рыбаком его назвать нельзя, охотником назвать нельзя, чабаном назвать нельзя. Кто же он?

Когда дедушка берёт чатхан [1] и начинает петь, люди понимают: он — хайджи, народный певец. Много вспахал Айдок полей, но ещё больше зёрен правды посеял он в людские сердца, и эти зёрна дают прекрасные плоды.

Мы очень любим сказки дедушки Айдока о смелом Албынжи, о могучем алыпе [2] Хулатае, о страшном чудовище на трёхногой кобыле. Но больше всего нам нравится сказка о Чинисчи.

— Дедушка! — просим мы, обступив его со всех сторон,— расскажи, как появился Чинисчи на свет!

---

[1] Чатхан — музыкальный инструмент

[2] Алып — богатырь.

Айдок трогает струны чатхана, закидывает седобородую голову немного назад и закрывает глаза. Сейчас он начнёт петь...

1. МАЛЬЧИК, ВЫШЕДШИЙ ИЗ БОЧОНКА

...Зарождаться земля начинала тогда,
Медь начинала твердеть тогда,
Деревья корнями за землю брались,
Верхушки свои устремляя ввысь.
Но выше всех гор в этом месте был
Могучий красавец Ах-тасхыл [1]
От подножья тасхыла, покинув юг,
Мчался на север быстрый Кимсуг [2]

В те далёкие времена у подножья Ах-тасхыла, на берегу Кимсуга жили три рыбака. Детей у них не было.

Однажды пошли они рыбачить. Закинули сети — ничего не поймали. Закинули второй раз — опять ничего нет. Третий раз закинули, потянули — тяжело.

— Ну,—думают,—есть рыба, да, видать, и не на одну уху.

Вытянули сети, а там — бочонок.

— Кому же из нас отдать бочонок?—рассуждают рыбаки.

Самый старший сказал:

— Отдайте мне. Если отдадите, больше ничего просить у вас не стану.

Товарищи его согласились. Принёс старый рыбак бочонок домой, открыл и увидел: на дне бочонка мальчик лежит.

Удивился старик, но виду не подаёт.

«Как же, — думает, — зовут его? Чем же я его кормить буду?»

А мальчик не по дням, а по часам растёт, ест всё, что старик ему даст, песни и сказки запоминает. Вот только имени своего не знает.

---

[1] Тасхыл — гора.
[2] Кимсуг — хакасское название реки Енисея.

Весть о мальчике, вышедшем из бочонка, облетела всё ханство. Сам грозный хан Алыгбай приехал взглянуть на мальчика.

— Как зовут тебя? — спросил Алыгбай.

А мальчик молчит.

— Откуда ты взялся? — снова спрашивает хан.

Мальчик снова молчит.

Тогда Алыгбай рассердился и сказал:

— Вышедший из бочонка, будешь ты отныне моим батраком с именем «Чалджи».

Так получил мальчик имя Чалджи, что означает «батрак»

2. РАСПЛАТА ЗА ПРАВДУ

Мало ли, много ли утекло воды в Кимсуге, только стал Чалджи рослым, сильным пастухом.

Однажды, когда он гнал овец Алыгбая на водопой, у дороги встретились ему два человека. Один был худой и бледный, в рваном таре [1], в дырявых маймаках [2]. Другой — толстый, одет в хорошую одежду и всё время кричит.

— О чём вы спорите? — спросил Чалджи.

Толстый махнул рукой и, обливаясь потом, уселся на траву. А худой говорит:

— Я живу у реки, в улусе бая Казана. Поехал к баю Пиксену попросить в долг денег, да по дороге ночь застала. Решил я переночевать в степи, у берёзы.

— Э-э! — закричал толстый. — Это я решил ночевать у берёзы, у моей берёзы, а тебе уступил место.

— Ладно! Пусть так будет, — сказал бедняк и продолжал. — Проснулся я утром и вижу — у кобылицы моей стоит рыжий жеребёнок.

— Мой жеребёнок! — закричал толстый.

---

[1] Тар — мужская одежда.

[2] Маймаки — мягкая кожаная обувь.

— Как же твой, когда кобылица моя, — отвечал бедняк.— Ну, я и сказал: хорошо, мол, что моя кобылица дала жеребёнка. А он мне: «Нет, нет, это не твоя кобылица дала жеребёнка, а моя берёза».

— Вот, вот, моя берёза! — закричал толстый. — Жеребёнок мой.

— А куда вы теперь идёте? — спросил Чалджи.

— Идём мы к грозному Алыгбаю, пусть он нас рассудит,— ответил толстый.

— Алыгбай за суд деньги берёт. А у меня их нет, — проговорил бедняк. — Рассуди нас, Чалджи!

— Ну, что же, я вам помогу, — сказал Чалджи. — В этом году в морях и океанах я рожь посеял. Да что-то ничего не уродилось...

— Тьфу, дурак! — плюнул толстый. — Да разве в морях-океанах хлеб растёт?

Чалджи отвечает:

— Тьфу, дурак! А разве берёза может принести жеребёнка?

— Правильно! — обрадовался бедняк. — Спасибо тебе, Чалджи. Умно ты нас рассудил. Жеребёнок мой, — сказал он и поехал своей дорогой.

А толстый пожелтел, как полная луна, и завопил, брызгая слюною:

— Ах ты, безродный батрак! Думаешь, я тебя не знаю? Ты, вышедший из бочонка, смеешь судить меня, бая Мирочаха, первого гостя Алыгбая!

И он побежал жаловаться грозному хану.

И в этот же день по приказу Алыгбая бросили Чалджи в темницу. Время тогда было такое, что людям, говорившим правду, разрешалось жить только за решёткой.

3. ХАНСКАЯ НАГРАДА

В то время, как Чалджи сидел в темнице, из дворца Алыгбая исчезла золотая шкатулка с драгоценными камнями.

Однажды Чалджи услышал, как глашатаи объявляли народу волю хана: — Тот, кто найдёт шкатулку, получит награду.

Чалджи не знал, где шкатулка, да никогда в жизни её и не видел. Он стоял, взявшись руками за решётку, и пел:

Где ты, где ты, Харапас [1] —
Голова моя, падёшь?
Где ты, где ты, Чоон-кегис [2] —
Грудь алыпа, смерть найдёшь?

Вдруг узкая решётчатая дверь распахнулась, и к Чалджи вбежали два перепуганных ханских казначея.

— Что ты о нас поёшь? — закричали они, перебивая друг друга. — Что ты на нас смерть накликаешь?

— На вас? — удивился Чалджи.

— Я — Харапас, — закричал один.

— Я — Чоон-кегис, — сказал второй.

Чалджи засмеялся и сказал:

— Я услышал про шкатулку и запел.

— Про шкатулку? — переспросили казначеи и попятились к двери. — Так ты знаешь про шкатулку?

— Я знаю ханских казначеев, — засмеялся опять Чалджи. — Тебя зовут Харапас, а тебя — Чоон-кегис.

Казначеи упали перед ним на колени.

— Будь милостив, добрый Чалджи. Не выдавай нас. Ты получишь каждый третий камень. Слышишь?

— Нет, не надо мне драгоценных камней,—отвечал Чалджи.

— Мы дадим тебе каждый второй камень. Ты будешь богат. Слышишь?

— Не хочу я богатства. Мне нужна свобода.

— Мы дадим тебе её. Ай, добрый Чалджи, ты спасёшь нас.

— Ладно, — сказал Чалджи. — Сегодня ночью вы откроете мне решётку, и я унесу с собой тайну о шкатулке.

Казначеи пошли к хану, но по дороге начали рассуждать так:

---

[1] Харапас — чёрная голова.
[2] Чоон-кегис — могучая грудь.

— Если мы освободим этого батрака, он всё равно нас может выдать. Так не лучше ли его погубить? Тогда вместе с ним умрёт тайна, а шкатулка будет наша.

И ночью, как ни ждал Чалджи, никто не открыл ему решётку.

А казначеи, придя к хану, сказали:

— Великий Алыгбай! Вышедший из бочонка, безродный Чалджи проклинает тебя. Мы сами слышали, как он поёт о тебе злобные тахпахи [1]. Прикажи убить его.

Алыгбай велел привести Чалджи и спросил у него:

— Я посадил тебя в темницу, где даже самые сильные духом становятся немощными. А ты поёшь тахпахи. — Уж не думаешь ли ты словами разбить решётки?

— Да, Алыгбай, мои тахпахи делают чудеса, — отвечал Чалджи. — Хочешь, я спою тебе тахпах и, хотя в нём нет слова «шкатулка», но ты узнаешь о ней.

И он запел:

Где ты, где ты, Харапас —
Голова моя, падёшь?
Где ты, где ты, Чоон-кегис —
Грудь алыпа, смерть найдёшь?

Харапас и Чоон-кегис полумёртвые от страха повалились к ногам Алыгбая, моля о пощаде. Хан, обрадованный тем, что похитители шкатулки найдены, пообещал Чалджи награду.

Долго думал Алыгбай, как ему поступить с Чалджи. Выдать награду — значит возвеличить ненавистного пастуха. Не дать награды — значит нарушить своё слово. И тогда хитрый Мирочах посоветовал Алыгбаю послать Чалджи к Хозяину Харатаг — Чёрной горы.

«Чёрная гора далеко. Много утечёт воды, пока батрак, не имеющий коня, доберётся до неё. А сила у Хозяина Чёрной горы такая, что он одним пальцем убьёт пастуха», — так рассуждал Алыгбай, довольно потирая руки.

Потом он призвал Чалджи и сказал:

---

[1] Тахпах — частушка.

— Что может быть для бедного батрака дороже ханского доверия? Так вот, я решил. Получай в награду моё доверие. Иди к Хозяину Харатаг и возьми у него семь медвежьих шкур, которые он мне должен. Я тебе доверяю. Такова моя награда.

Чалджи вышел от хана, а Алыгбай и Мирочах громко смеялись вслед ему.

— Ничего! — прошептал Чалджи сквозь зубы. — Теперь я знаю цену ханской награды и заплачу за неё двойной ценой.

4. ДЕВУШКА ЧИБЕК

Много дней и ночей шёл Чалджи по сухой степи. Ни одного озера, ни одного ручейка не встретил он. Солнце и горячий ветер раскалили землю. Чалджи упал на жёлтую траву и прошептал:

— Ни берёзки, ни ручейка не вижу я. Кто же даст прохладу мне? — и закрыл глаза.

Вдруг с неба опустился над ним белый лебедь, начал бесшумно махать крыльями, и прохлада освежила лицо Чалджи. Он уснул самым лёгким и самым сладким сном. А когда проснулся и поднял голову, увидел: рядом сидит девушка — спину закрыли шестьдесят кос, грудь прикрыли пятьдесят кос.

Чалджи удивлённо глядит на неё
Ясного взгляда не сводит с неё.
Слово боится одно проронить...
Наконец, решился её спросить:
— На какой земле тебя мать родила?
Из какой реки ты воду пила?
Кто были твои отец и мать?
Как повелели тебя называть?
Кем ты на родине милой была?
Зачем же взяла себе два крыла?
Белые перья одела зачем?
Птицей крылатой летела зачем?

И так ему девушка отвечает:

— С надеждой летела я в эти края.
Молодца увижу — думала я.
В отцовской солнечной стороне
Тоскуют родимые обо мне.
Ирек — мой отец, Арыг — моя мать
Чибек повелели меня называть.
Далёко отсюда моя сторона,
Под солнцем легла широко она.
В привольной степи мы пасли стада,
Была в Тибек-суге светла вода,
Но враг чистоту воды замутил,
Сжёг юрты и кровью траву оросил...

Девушка заплакала, и там, куда упали её крупные блестящие слёзы, зазвенел ручей.

Они напились и умылись из ручья, а потом Чибек рассказала, что живёт она в краю, где мучит людей страшный Хозяин Чёрной горы. Чибек не выдержала тиранства злодея.

Вскинула руки, как крылья, она,
Белым лебедем стала она,
И полетела в небо она,
Туда, где бледнела вдали луна...

— И куда ты спешишь сейчас? — спросил Чалджи.

— Мне некуда больше спешить, — отвечала Чибек.—Хозяин Чёрной горы сжёг мой родной край. Теперь я нашла тебя и хочу одного — возьми меня с собой!

— Так вот он какой, Хозяин Харатаг?! — подумал Чалджи, — как мне осилить его?

И, не сказав ни слова, он взял Чибек за руку и они пошли.

...Зори на небе огни свои жгут.
Чалджи и Чибек молча идут.
При звёздном сияньи ночью идут.
Тропинками волчьими тихо бредут,
Идут через синий степной простор,
Ползут по отрогам невиданных гор...

5. У БАЯ МУЛТЫГАНА

— Ой, Чалджи! — остановилась Чибек, — много дней и ночей мы идём с тобой. А родимого края всё не видать. Не могу я итти. Не потому, что ноги устали, а потому, что душа у меня болит.

— Ничего, Чибек! — воскликнул Чалджи, — мы отомстим Хозяину Харатаг.

— У нас даже нет меча, — грустно проговорила Чибек. — Вот почему глаза мои слезами обливаются, руки мои сами опускаются. Тяжело мне...

— Я вижу впереди отару бая Мултыгана, — с надеждой проговорил Чалджи, — я заработаю у него денег, куплю богатырского коня, золотой меч и убью проклятого Хозяина Чёрной горы.

А в улусе бая Мултыгана был в это время большой той [1].

Со всех концов степи сюда собрались знатные гости. Они пили арагу, [2] заедая её бараниной, пели песни и громко смеялись.

Чалджи узнал у народа, что бай Мултыган—жадный, злой старик.

— Не дело ты надумал, парень, — говорили люди. — Наш бай охотно даёт работу, да не любит платить за неё.

Но Чалджи не послушал этих советов и нанялся к баю в чабаны. Прошло несколько дней. Как-то раз к отаре подошёл седой старик.

— Э-э, сколько у бая жирных баранов, — сказал он, мигая слезящимися глазами, — один бай и столько баранов! А у нас столько бедных людей и ни одного барана.

— Откуда ты, дедушка? — спросила Чибек.

— Я бежал из родного края, от Хозяина Чёрной горы,—и старик горько заплакал.

— Чалджи! — вскрикнула Чибек. — Дай ему одного барана. Ведь он пришёл оттуда, где стояла юрта моего отца!

---

[1] Той — пир.

[2] Арага — напиток.

Чалджи выбрал самого жирного барана и отдал старику. А вечером приехал бай. Он слез с коня и долго считал своих овец.

Чалджи и Чибек стояли в стороне.

— Ах вы, не имеющие крова! — закричал бай, подбегая к ним. — Знал я, что вам нельзя доверять отару! Где мой самый жирный баран? Вы съели его?!

Чалджи и Чибек молчали.

— Я повешу вас! — кричал бай, топая ногами.

Чалджи оттолкнул его и сказал:

— Пошли, Чибек. Безрогий баран на овцу похож, а жадный Мултыган на волка похож. У него кроме петли ничего не заслужишь.

— Я же говорила тебе, что не здесь наше счастье, — отвечала Чибек, — у меня душа болит, а сердце моё окаменело.

— Окаменело!? — воскликнул Мултыган, услыхавший последние слова.

И он долго смотрел им вслед, хитро прищурив глаза.

6. ЗАВИСТЛИВЫЙ МАЙДОХ И ЖАДНЫЙ МУЛТЫГАН

В степи за могильным курганом повстречались им люди из улуса Мултыгана.

— Э-к-кей! Добрый Чалджи, — говорили они, — помоги нам. Бай Майдох — продавец товара обокрал нас.

И бедняки, перебивая друг друга, рассказали о том, что друг Мултыгана бай Майдох отобрал у них последние деньги, а товару не дал.

— А где он сейчас? — спросил Чалджи.

— Вон он едет, — показали люди туда, где на дороге клубилась пыль.

— Чибек, подожди меня здесь, а вы,—обратился Чалджи к беднякам, — идите в улус. Сейчас у вас будет товар.

Сказал, а сам подумал: «Как же заставить бая расплатиться с бедняками?»

Догнав едущего в телеге Майдоха, пастух заговорил:

— Ты, Майдох, всё ездишь по жаре, а вот — Мултыган...

— Что Мултыган? — живо перебил его бай, — он опять что-нибудь придумал? Почему я три раза был в улусе и ни разу не застал его? Где он?

— Он у себя в отаре.

— А что он там делает?

— Считает баранов.

— Ха! — презрительно воскликнул Майдох, — это и я делать умею.

— Нет, Майдох, — возразил Чалджи, — так, как он считает, не всякий сумеет. Он пересчитывает отару каждый час.

— Гм... — хмыкнул Майдох, — каждый час, говоришь? А зачем?

Некоторое время бай сосредоточенно думал.

Потом пухлое лицо его просияло. Он стукнул себя кулаком по узкому лбу и воскликнул:

— Ай-яй-яй! Как же мне раньше не пришла в голову эта пословица: Больше считаешь — скорее богатеешь!

Бай спрыгнул с телеги и начал, тяжело отдуваясь, быстро распрягать коня.

— Что ты делаешь? — спросил Чалджи.

— Не-ет! — шептал Майдох, — ты, Мултыган, не обскачешь меня. Теперь я знаю, почему твоя отара растёт не по дням, а по часам. Я тоже каждый час буду пересчитывать свой товар. И тогда посмотрим, кто будет богаче.

Взбираясь на лошадь, он сказал:

— Товар, что в телеге, я оставляю тебе. Сейчас мне некогда с ним возиться! Стереги его. Через час я приеду за ним.

И, уже удаляясь, бай кричал: — Я буду пересчитывать свой товар чаще, чем Мултыган отару, через каждые полчаса! У меня будет много парчи и шёлка.

Посмеявшись над завистливым Майдохом, Чалджи впрягся в телегу и с песней покатил её в улус.

На песню сбежался народ.

— Чалджи раздаёт товар беднякам, — говорили люди,— спасибо ему!

Бай Мултыган, расталкивая толпу, подошёл к телеге и глаза у него заблестели от жадности.

— Что у тебя в телеге?

— Товар, — сказал Чалджи. — Смотри, какие шелка, какая парча!

— А где ты всё это взял? Где Чибек? Она окаменела? Так?

Чалджи с недоумением смотрел на бая.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — сказал он.

— Врёшь! — зашипел бай. — Я слышал, как Чибек сказала, что она окаменеет. За её каменное тело ты и получил всё это богатство. Кто послал тебя сюда?

— Меня послал Алыгбай, — отвечал Чалджи.

— Как? — воскликнул бай. — Так это грозный Алыгбай скупает каменных женщин?

— Ну, да, о нём я и говорю, — улыбаясь, отвечал Чалджи.

— Где же мне взять каменную женщину? — кусая ногти, шептал Мултыган. — Где?

— Как где? — смеясь, говорили люди. — Ведь у тебя есть жена Тыртыс-хат [1], а у неё каменное сердце...

— Верно! — закричал Мултыган, схватил нож и, ни слова не говоря, скрылся в своей юрте.

И те, кому удалось заглянуть во внутрь, закричали так, чтобы слышали все:

— Бай убил свою жену — зловредную Тыртыс-хат. Теперь нашим жёнам легче будет дышать, она больше не будет щипать их и таскать за волосы.

Мултыган взвалил тело Тыртыс-хат на телегу и ускакал, нещадно погоняя лошадь. Приехав к Алыгбаю, он закричал:

— Грозный Алыгбай, выходи смотреть покупку! Я привёз тебе мёртвую женщину с каменным сердцем. Сколько за неё дашь?

Алыгбай вышел, посмотрел на Мултыгана и ответил:

— За такие шутки я тебе дам сто плетей!

---

[1] Тыртыс-хат — вредная женщина.

Тут же Мултыгана схватили, повалили на землю и стали избивать плетьми. Он визжал и кусался, как пёс, а про себя думал: «Если не выбьют из меня душу, отомщу же я тебе, коварный Чалджи!»

7. ЧТО БЫЛО НА ДНЕ РЕКИ

...Чалджи, раздав весь товар бедному народу, опять взял Чибек за руку, и они пошли дальше по пыльной дороге.

— Скоро ли увижу я родимый край?..— с тоской спрашивала Чибек.

А Чалджи, задумчиво глядя вдаль, проговорил:

— Тяжёлая у меня судьба! С детства нет у меня ни имени, ни лошади, ни юрты. Где отец и мать мои? Где мой родной улус? На каких лугах пасётся мой быстроногий богатырский конь? Чалджи, батрак, вышедший из бочонка, — вот кличка, которой наградил меня злой хан... — и он печально склонил голову.

Вдруг сзади послышался такой топот, что земля мелко задрожала. Чалджи оглянулся и увидел пыльный вихрь, приближающийся к ним.

— Стой! Стой! — послышались грозные голоса. Всадники на разгорячённых потных конях окружили Чалджи и Чибек.

— А-а, проклятый пастух! — кричал Мултыган, размахивая хамчой [1]. — Наконец-то я догнал тебя. Теперь ты мне ответишь за каменную бабу!

— Где моя тележка с товарами? — вопил Майдох. — Разве твоя батрацкая шкура заменит мне парчу?

Чалджи повалили на землю, скрутили верёвками и посадили в мешок.

— А эту, — закричал Мултыган, указывая крючковатым пальцем на Чибек, — я возьму себе в жёны вместо убитой Тыртыс-хат.

---

[1] Хамча — плеть.

Но гордая Чибек ответила старику:

Пока голова у меня на плечах,
Пока не померкло солнце в глазах,
Я одолею любую беду,
И за тебя никогда не пойду!

— Связать её! Приторочить к седлу! — завизжал Мултыган.

Чалджи рвал верёвки, силился сбросить мешок, но всё было напрасно. А Чибек кричала ему:

— Брат мой! Слышишь ли ты меня? Я — Чибек — сестра твоя. Это Хозяин Чёрной горы бросил тебя в бочонок. Слышишь ли ты меня?!

Чалджи рванулся, но голос дорогой сестры замер в отдалении, заглушённый топотом коней.

— Что мы будем делать с ним? — спросил Майдох у Мултыгана и изо всех сил начал колотить кулаками по мешку.— Пустая кишка! Куда ты запрятал мои товары?!

— Надо утопить его! — решил Мултыган.

Они подъехали к реке, сбросили мешок на берег и начали совещаться: как лучше утопить Чалджи.

— Надо найти такой камень, — сказал Мултыган, — чтобы он был тяжелее каменной бабы.

— Нет, нет, — кричал Майдох,—мы найдём такой камень, чтобы он был тяжелее воза с товаром.

И они разъехались в разные стороны, и каждый искал камень побольше.

Только они отъехали, как до Чалджи донёсся приближающийся цокот копыт.

— Э-к-кей! — услышал он вдруг знакомый голос. — Кажется, я вижу мешок?

— Нет, — отвечал Чалджи. — Ты видишь меня.

— Почему ты залез в мешок? Кто ты?

— А кто ты? — переспросил Чалджи.

— Я — бай Мирочах. Разве ты не слыхал обо мне? Это ведь я засадил в темницу пастуха Чалджи. Сейчас я еду к шаману лечить глаза, которые мне закрывает злая болезнь.

— А я только что излечился от этой болезни, — проговорил Чалджи, изменив голос.

— Так вылечи меня! — закричал бай.

— Если будешь слушать — вылечу.

— Почему не буду слушать? Вылечи.

— Тогда слезай с коня, развяжи мне руки и ноги, надень мою одежду. Только не смотри мне в лицо. Иначе ты совсем ослепнешь.

— Нет, нет, я не буду смотреть, — взмолился Мирочах.— Я и так боюсь проклятой болезни. Лучше я завяжу глаза платком. Но что потом со мной будет?

— Я тебя свяжу и положу в мешок. Ты недолго полежишь, придут два человека, окунут твою голову в воду, и глаза твои прозреют.

— А ты?

— А я сяду на твоего коня и уеду, чтобы мои друзья не отказались тебя лечить.

Мирочах согласился. Сначала он завязал себе глаза платком, затем ощупью освободил Чалджи, а сам залез в мешок. Нарядившись в одежду бая и садясь на его лошадь, Чалджи сказал:

— Только молчи. А то тебя узнают по голосу.

— Ладно, — отвечал Мирочах из мешка.

Чалджи, довольный тем, что Мирочах не узнал его, тронул повод и ускакал.

Вскоре подъехали Мултыган и Майдох с огромным камнем. Они привязали его к мешку и подтащили мешок к обрыву.

— Вот сейчас я оженю тебя на каменной бабе! — злорадствовал Мултыган.

— А калымом тебе будет мой шёлк и парча, ненавистный Чалджи! — шипел Майдох.

Мирочах, услышав последние слова, начал кричать:

— Я не Чалджи! Я не Чалджи! Я лечиться хочу!

— Сейчас вылечим! — отвечал Мултыган.

— Теперь тебе не удастся нас провести,—добавил Майдох.

Баи столкнули мешок с привязанным к нему камнем в реку и, сев на лошадей, направились к улусу. Не успели они отъехать далеко, как услышали сзади топот. Их нагонял Чалджи— на хорошем коне, в богатой одежде, он ехал и улыбался.

— Как! — вскричал Мултыган, — ведь мы только что утопили тебя!

— Откуда ты взялся?—прошептал ошеломлённый Майдох.

— Оказывается, на дне реки можно жить так же, как и здесь, — отвечал Чалджи. — Только в начале немного захлёбываешься.

— Где ты взял эту одежду и такого хорошего коня? — в один голос спросили баи.

— Я познакомился с хозяином воды Суг-таем. Он мне подарил эту лошадь с серебряной уздечкой и всю одежду. На дне реки всё дёшево. Только Суг-тай скучает там один — ему нужен умный человек, с которым можно было бы разговаривать. Он оставлял меня, да я не согласился. Мне, батраку, нечем его угощать, если он вдруг приедет ко мне в гости.

У баев загорелись глаза.

— А если я пойду к Суг-таю, что мне ему говорить? — спросил Мултыган, — научи меня!

— Нет, нет, — закричал Майдох. — Лучше меня научи. Ведь ты у меня увёз товар!

— Ладно, — сказал Чалджи, — я вас обоих научу. Вы оба богачи, вам есть чем отпотчевать Суг-тая. Когда я опущу вас в воду, кричите: «Хозяин воды, дедушка Суг-тай, возьми нас!» Он развяжет вам руки и ноги, даст коней, хорошую одежду, а там уж познакомитесь, поговорите. А сейчас раздевайтесь.

Чалджи связал раздетым баям руки и ноги, привязал к ним тяжёлые камни и сбросил обоих в воду — только пузыри пошли.

Потом он взял коней и одежду баев и поскакал догонять всадников, которые увезли Чибек. За курганом он догнал их.

— Чибек! — позвал Чалджи. — Сестра моя, я освобожу тебя!

Всадники в страхе глядели в небо.

— Сестра твоя, — сказали они,—стала лебедем и улетела.

Чалджи бросил байскую одежду, повернул лошадь, стегнул её хамчой и, рыдая, поскакал прочь.

8. ДОБРО ЗА ДОБРО

...Плачет, рыдает несчастный Чалджи:

Где ты, родная моя сестра?
В какие отправилась ты места?
Разлука написана нам на роду.
Где я тебя, моя радость, найду?

И плачет опять безутешный Чалджи:

Ты жизнь мне вернула в диком краю,
Крылом разогнала усталость мою,
Из ручья напоила холодной водой.
Зачем же, сестра, мы расстались с тобой?!

Долго ехал Чалджи по степи. Уже село солнце за далёкими бархатными тасхылами. Уже загорелась вечерняя заря. А он, бросив поводья, медленно покачивался в седле.

— Остановись, Чалджи! — послышался вдруг голос за его спиной.

Чалджи поднял голову и увидел того старика, которому он, по совету Чибек, дал барана. В руках у старика был хомс [1].

— Слёзы твои услышало моё сердце... — сказал старик,— твою грустную песню услышал мой хомс. Сердце моё и хомс мой откликнулись, как эхо в горах.

Чалджи молчал, глядя на старика грустными глазами.

— Ты дал мне барана, — продолжал старик. — Ты помог мне высушить слёзы. А чем я помогу тебе?

— Я сестру свою потерял, — прошептал Чалджи, — как мне найти её?

---

[1] Хомс — музыкальный инструмент.

— Долог и труден будет твой путь, — проговорил старик.—Ничего у меня нет, чем бы я мог помочь тебе. Вот только этот хомс... Возьми его. С песнею легче жить, легче переносить невзгоды.

Чалджи взял хомс и тронул струны. Они запели:

«Много на свете бедных живёт.
Злые болезни косят народ,
Холод покою ему не даёт.
Горе за бедными следом идёт.
Если ты честен и смел душой,
За счастье народа иди на бой!»

Так пел хомс, а Чалджи и старик слушали его, затаив дыхание. Потом, когда песня замолкла, Чалджи сказал:

— Правду говорит хомс. Я видел и знаю людское горе, я видел и знаю тех, кто горе приносит. И всю жизнь я буду бороться за счастье бедных людей.

Он снова тронул струны, и теперь хомс зазвенел с новой силой, а слова загремели как поток, падающий с тасхыла:

— ...«Я вижу: Чалджи, Алыгбаем гонимый,
Что люди простые тобою любимы.
Я вижу: ты хочешь помочь им в беде
Да будет с тобою удача везде!
И я обещаю помочь тебе в том,
Чтоб жеребёнка ты вырастил скакуном,
Пешему — лошадь лихую дал,
Раздетому — кров и одежду дал...»

— Спасибо тебе, волшебный хомс, — сказал Чалджи, просветлев лицом, — теперь у меня есть верный друг! Спасибо тебе, добрый старик! Знай, что твой хомс попал в надёжные руки.

...Старик долго смотрел вслед удаляющемуся Чалджи. И на глазах у него блестели слёзы, но это были слёзы радости.

9. ЗЛО ЗА ЗЛО

...В тайге, через которую лежал путь Чалджи, жила в одном улусе, в богатой юрте красавица Тарынчах [1]. Была она так красива, что даже таёжная весна завидовала ей. У неё были такие длинные косички, как степные тропинки. У неё было так много нарядов, что в них можно было нарядить девушек семи улусов. И всё же никто не завидовал её красоте. Никто не называл её цветком потому, что цветок не только поражает красотой, но и даёт пчёлам мёд. Никто не называл её кудрявой берёзкой потому, что берёзкой не только можно любоваться, но и строить из неё юрты. Тарынчах же была красива, но красота её не радовала людей.

Тарынчах всегда жила одна и никого не любила. По утрам никого не приветствовала добрым словом, а по вечерам никому не желала спокойного сна.

В грозу, когда в небе грохотали громы, сверкали стрелы молний, когда люди прятались в юртах, Тарынчах одна уходила в лес. Страшно стонала тайга, могучие кедры, раскачиваясь по ветру, прижимались друг к другу. Вершины тасхылов закрывались тучами. Звери и птицы прятались в своих норах и гнёздах. И в это время слышался звонкий смех. Это был смех Тарынчах.

А Чалджи ехал через тайгу на коне бая и пел:

«Где нет, скажите мне, тайги,
Чтоб не замучила коня?!
И где нет баев-богачей
И батраков таких, как я?!
Кто видел, чтобы, расступясь,
Тайга открыла светлый путь?!
Кто видел, чтоб богач-хитрец
Дал вольной грудью мне вздохнуть?!»

Вдруг конь его, измученный длинным переходом, зашатался и повалился на бок. Чалджи едва успел спрыгнуть с него.

---

[1] Тарынчах — злая, сердитая.

— Прости, друг! — сказал Чалджи. — Не рождён ты богатырским конём, не суждено тебе скакать без устали с тасхыла на тасхыл.

— Устал твой конь... — сказал подошедший бедняк. — Что будешь делать?

— Я отдам тебе коня, — проговорил Чалджи, — а сам пойду пешком.

Обрадованный бедняк не знал, чем отблагодарить Чалджи.

— Ничего у меня нет, — говорил он. — Только одним я могу помочь тебе — в нашем улусе живёт красавица Тарынчах. Не ходи к ней! Она спаивает своих гостей шаманским зельем, и, выпив его, они становятся волками. У Тарынчах каменное сердце. Даже богатырского коня Хара-Курена вот уже несколько лет она держит на цепи, как бешеного пса.

— Спасибо за добрый совет,—сказал Чалджи.—Но теперь я непременно пойду к Тарынчах. Мне нужен богатырский конь.

Тарынчах приветливо встретила нежданного гостя. Чалджи был поражён её богатым нарядом, её красотой, её чёрными косичками, закрывавшими спину и грудь. Но в голосе и во взгляде хозяйки он почувствовал холод и затаённую злобу.

Когда они сели за богато убранный стол, Чалджи сказал:

— Глаза видят столько еды, а желудок не хочет кушать... Почему так?

Тарынчах ответила:

— Выпей араги, и желудок запросит пищи.

Тогда Чалджи сказал:

— У тебя много араги и мало гостей... Почему так?

— Гости — это люди с улыбками на лицах. А я не люблю улыбок, — проговорила Тарынчах и засмеялась так, что у Чалджи по спине забегали мурашки.

Он видел, как Тарынчах налила в серебряную чашу густую арагу и поставила перед собой. Его чашу она наполнила из другой посуды.

— Улыбка на лице человека — это тоже, что зорька на небе, — сказал Чалджи.

— Если много будет улыбок, — ответила Тарынчах, — то значит много будет и зорек. Что же тогда делать настоящей заре? Пей, мой гость. После этой араги ты совсем будешь мне по душе.

— Я выпью, — сказал Чалджи, — только сначала отгадай загадку: «Сын огня, а не красный, скакун, а не быстрый, но как ни лови — не поймаешь».

Тарынчах не могла отгадать загадку. Тогда Чалджи сказал:

— Посмотри на тунюк [1].

Тарынчах обернулась, а Чалджи быстро переставил чаши.

— Видишь, дым идёт из юрты. Вот это и есть отгадка. А теперь выпьем! — И Чалджи поднёс чашу к губам...

Ничего не подозревающая Тарынчах начала пить из своей чаши медленными глотками.

Тогда Чалджи встал и проговорил:

— Людей ненавидящая, зло людям приносящая, становись волчицей.

Тарынчах выронила чашу, но было уже поздно. Серой волчицей выскочила она из юрты. А Чалджи кричал ей вслед:

— Броди по чащобам, злая волчица! Теперь ты стала тем кем тебе надо было родиться.

Потом он пошёл туда, где стоял Хара-Курен, и увидел:

Конь быстроногий Хара-Курен
Стоит в грязи до самых колен.
Цепями опутан со всех сторон
Не может с места сдвинуться он.
Тяжкие цепи Чалджи разбил
И, радуясь другу, проговорил:
— Отныне мне ты будешь служить,
Со мною и горе и счастье делить!

Несколько дней кормил и холил Чалджи своего нового друга и, когда тот окреп, он оседлал его.

---

[1] Тунюк — отверстие в крыше юрты для дыма.

— Теперь у меня есть волшебный хомс и богатырский конь Хара-Куреи. Нет у меня меча и щита. Но я добуду их. И тогда берегись Хозяин Чёрной горы!

10. ЧИСТА ЛИ У ТЕБЯ ДУША?

Все люди улуса видели, как от юрты Тарынчах бежала к тайге матёрая волчица. Она делала огромные прыжки, и при этом её оскаленные зубы глухо лязгали. За рвом, у перелеска волчица остановилась и, подняв свою рыжую морду к небу, страшно завыла.

Заслышав её протяжный, тоскливый вой, люди умолкали, матери прижимали к себе детей, лошади сбивались в кучу, испуганно прядая ушами, овцы шарахались из стороны в сторону.

Когда люди узнали, что это воет Тарынчах, ставшая волчицей, они пришли к Чалджи узнать, как это ему удалось перехитрить коварную красавицу.

— Спасибо тебе, добрый человек,— говорили они.— Много зла нам принесла Тарынчах, когда была человеком. Теперь, когда она стала волчицей, с ней справиться легче. У нас немало хороших охотников, которые сумеют угостить её меткой стрелой.

— У нас есть более страшный враг — Хозяин Чёрной горы, — сказал Чалджи. — Для битвы с ним мне нужен меч и щит. Скажите, где достать мне их?

Долго думали люди. Потом самый старый из рода — дедушка Постой сказал:

— Давно, давно у Хозяина Чёрной горы был недруг — богатырь Ах-молат. Хозяин Чёрной горы одолел его в бою, отрубил богатырскую голову, а меч его спрятал в кремнёвом тасхыле и охранять его поставил двуликого шамана. Этот двуликий и давал Тарынчах зелье, от которого люди становились волками.

— Расскажите мне, где кремнёвый тасхыл, — попросил Чалджи.

— Рассказать-то нетрудно, — отвечал старик. — Только вот беда: меч Ах-молата никто поднять не может. Был, говорят, один мальчик, который смог бы поднять этот меч, да Хозяин Чёрной горы посадил младенца в бочонок, а бочонок бросил в Кимсуг.

— Я подниму этот меч! — сказал Чалджи.

— Что же, попробуй, — отвечал старик, — если у тебя душа чиста, как горный ручей — поднимешь. Но если есть в ней хоть единое пятнышко, то даже не оторвёшь меч от земли.

— И всё же я попробую! — снова повторил Чалджи.

— Раз решил — поступай, как велит сердце, — проговорил старик. Мы всем народом будем делать тебе шлем и грудной панцырь. Если вернёшься с мечом — мы дадим тебе свою верность и защиту.

11. МЕЧ АХ-МОЛАТА

И пусть дорога Чалджи далека,
У Хара-Курена поступь легка.
Всадник доволен крылатым конём:
Скачет без отдыха ночью и днём.
Ступит конь на тасхыла гранит —
Искры сыпятся из-под копыт.
Прыгнет через зубцы хребтов —
Грива взвихрится до облаков.

В горах, где нет ни леса, ни трав, ни звонких ручьёв, ни птичьих песен, Чалджи остановил богатырского коня.

— Э-к-кей, — крикнул он, и эхо трижды ответило ему, а с самого крутого тасхыла посыпались, гремя, камни. Вдруг скалы повернулись, как огромные жернова, а в просвете между ними сверкнул огонь, и клубы дыма поднялись к небу.

— Кто нарушил тишину кремнёвых скал? — раздался сердитый голос, и Чалджи увидел в расщелине страшного шамана:

Правый бок белой шерстью украшен,
Левый бок — чёрный, как сажа.
Одна половина лица светла,
Другая — с ночью сравниться могла.
На правой руке — золотые ногти,
На левой руке звериные когти.

Чалджи, разглядев шамана, не испугался.

— Это я крикнул, — сказал он.

— А кто ты? — спросил шаман.

— Я, Чалджи, бедный пастух. Приехал к кремнёвому тасхылу за мечом Ах-молата.

— Ха-ха-ха-ха! — раскатисто засмеялся шаман. — Пастух приехал за мечом! Да знаешь ли ты, что вот уже много лет я сторожу этот меч дни и ночи?! И никому до сих пор не удавалось оторвать его от земли.

— Неужели и ты не мог поднять его? — удивился Чалджи. — Ведь ты такой сильный!

— Я могу поднять любой тасхыл, — самодовольно произнёс шаман, — а вот меч не пробовал.

— А где он лежит?

— Он запрятан вот в этих скалах, — отвечал шаман.

— А ну, дай, я попробую поднять его!

Шаман снова захохотал.

— Сначала тебе придётся померяться силой со мной, — проревел он.

— Ну, что ж, давай, — согласился Чалджи и соскочил с коня. — Можешь ли ты кулаком выбить вот из этого камня огонь?

Шаман покосился на камень и, прищурив правый глаз, сказал:

— Могу! — он подошёл к камню и начал яростно колотить его когтистыми кулаками. Камень крошился, но огня не было.

— Отойди, я попробую,— сказал Чалджи и, зажав между пальцами кресало, ударил по камню. Искры брызнули во все стороны.

Шаман удивлённо вытаращил глаза и молчал.

— А теперь, — сказал Чалджи, — можешь ли ты разбросать эти камни? — и он показал на скалу, где был запрятан меч.

— Ну, это-то я сразу сделаю! — пробормотал шаман. — Тут ты меня не осилишь!

И он начал швырять в разные стороны огромные камни. А Чалджи подзадоривал его. Вдруг из-за спины шамана блеснул меч. Двуликий отпрянул назад, закрыв лицо руками.

— Ладно! — проговорил Чалджи. — Вижу, что ты силён. Теперь давай попробуем, кто из нас поднимет меч.

— Его блеск мне режет глаза, — ответил шаман. — Начинай ты.

Чалджи нагнулся, протянул руку к резной рукоятке и легко поднял меч. Шаман в испуге присел.

— А остроту меча, — сказал Чалджи, — я попробую на твоей шее.

И, широко размахнувшись, он отрубил золотым мечом голову шамана. Чёрная кровь широким ручьём потекла по камням.

12. ВЕРНОСТЬ И ЗАЩИТА

С радостью встречал народ возвращавшегося Чалджи. Старые и малые, женщины и девушки — все приходили посмотреть на меч, ярко горящий на солнце.

— Слава Чалджи, поднявшему меч Ах-молата! — восклицали люди.

Толпа расступилась, и к Чалджи подошёл дедушка Постой.

— Я узнал этот золотой меч, — сказал он. — Ты поднял его, значит душа твоя чиста, как у погибшего Ах-молата. Только не повторяй ошибки, стоившей ему жизни. Он надеялся только на свою силу и не взял с собой щита, который ему давал народ.

Старик вручил Чалджи щит, шлем и панцырь.

— Вот тебе наша верность и защита. Надевай шлем и панцырь, бери щит и помни, что они сделаны нашими руками, руками твоего народа. Они не подведут тебя в бою.

И Чалджи счастливыми глазами смотрел на людей, а сердце в его груди билось гулко и радостно.

...Хайджи умолк. В это время дверь широко распахнулась и в юрту вошёл внук Айдока—Харол. На лацкане его пиджака горела звезда Героя. Он поздоровался и, чтобы не отвлекать дедушку, сел в стороне.

Айдок с любовью взглянул на него и улыбнулся.

— Крепка скала. А что твёрже её? Дорого золото. А что дороже его?

— Народ твёрже скалы,—ответил Харол.—Доверие народа дороже золота. Так ли я говорю?

— Так, так, — подхватили мы, — дедушка, продолжай!

— Продолжать могу, — засмеялся Айдок, — а если во время сказки гром загремит?

— Мы не боимся грома, — отвечали мы.

— А если ливень польёт?

— Мы не боимся ливня.

— А если запляшет буран?

— Нам не страшен буран.

Дедушка ласково оглядел нас и снова взялся за чатхан:

— Ну, раз вы такие смелые, тогда слушайте...

13. ПРЕДСКАЗАНИЯ ЛУННОГО КАМНЯ

...А в это время народа враг
Страшный Хозяин горы Харатаг,
Который не сделал добра за свой век,
Который ни зверь и ни человек,
Глаза, как у жабы, косые имеет,
Над ними косы вьются, как змеи,
И дикой злобой сверкает взгляд,

А вместо ушей камни висят.
Когтистую руку опутав бичом,
Он сладко дремал на ложе своём.

Вдруг к нему вбежал перепуганный хранитель Лунного камня.

— Хозяин Чёрной горы! Проснись! — почтительно прошептал он.

Но раскосый даже не пошевельнул пальцем.

— Проснись, Хозяин! — уже громче закричал хранитель.

Змеинокосый не поднял головы. Тогда хранитель взял бубен и начал колотить по нему. Каменные уши Хозяина Чёрной горы не слышали ни звона бубна, ни крика.

Хранитель схватил огромную суковатую дубину и, размахнувшись, ударил Хозяина Чёрной горы по лбу. Только тогда раскосые глаза открылись.

— Крепко же я спал, — сказал Хозяин.

Хранитель, пряча за спиной дубину, подошёл к самому его уху и закричал:

— Могучий Хозяин Харатаг! Беда!

— Что-о? — спросил тот.

— Беда, говорю. Лунный камень почернел.

Хозяин повернул головой так, что ухом чуть не свалил с ног хранителя.

— Как он мог почернеть?!

— Могучий Хозяин! — опять закричал хранитель. — Сквозь камни просочилась чёрная кровь.

— А что это значит?

— Это значит, что хранитель меча Ах-молата двуликий шаман убит.

— Да как он мог дать себя убить?!

Рассвирепевший Хозяин Харатаг долго метался, потрясая кулаками. Потом он сел и начал ковырять пальцами в ушах.

— Сейчас я прочищу уши, и ты мне скажешь, что надо делать. Ну, говори! — приказал, наконец, он. — Теперь я кое-что слышу.

— Надо позвать шаманов. Они тебе всё расскажут.

Вскоре пришли шаманы.

— Великий Хозяин Чёрной горы! — сказали они. — Лунный камень почернел потому, что над тобой нависла грозная опасность. Двуликий шаман лежит с отрубленной головой. Он потерял голову потому, что не сумел уберечь меча Ах-молата.

— Кто мог поднять этот проклятый меч? — заревел Хозяин. — Ведь вы говорили, что кроме младенца, которого я заколотил в бочонок и бросил в Кимсуг, никто не может этого сделать?!

— Да, великий Хозяин. Никто! — отвечали шаманы. — Но младенца в бочонке поймал рыбак. Мальчик вырос, получил имя Чалджи и теперь с мечом Ах-молата идёт на тебя.

Хозяин от страха не мог вымолвить ни слова. Он схватился за голову и сидел, вытаращив жабьи глаза.

— Зачем я прочищал уши? — вдруг закричал он. — Если бы я этого не сделал, я бы не слышал ваших речей. Что мне делать? Что мне делать?

Вперёд выдвинулся самый старый и хитрый шаман.

— Я знаю, в чём сила Чалджи, — сказал он. — У него есть хомс.

— Хомс, — переспросил Хозяин. — Это тот, на котором играют? Ну, он мне не страшен — я могу заткнуть уши.

— Этот хомс не простой, — сказал шаман. — Он умеет созывать народ, он умеет говорить правду. А правда — страшнее меча.

— Так что же делать?

— Надо лишить Чалджи хомса.

— Но как?

...Долго думали шаманы. Потом старый засмеялся:

— Я придумал!

— Говори! — приказал Хозяин и притянул его к себе.

Шаман начал, захлёбываясь, что-то шептать ему. Хозяин Чёрной горы слушал, переспрашивал и опять слушал, а потом вдруг приподнялся и захохотал.

14. КАМЕННЫЙ ГРАД

А Чалджи с песней ехал, думая о битве с Хозяином Чёрной горы. Небо было безоблачно. Травы в степях ложились под ноги Хара-Курену зелёным ковром, а в тайге могучие деревья расступались, открывая дорогу.

Вдруг земля покачнулась, а по небу прокатился гром. Это был хохот Хозяина Харатаг.

И Чалджи увидел:

Тасхылы дрожат, деревья сплелись,
Полноводные реки в степях разлились,
На небе туча, как ночь, темна,
Гибель живому сулит она.
Ярые громы вокруг гремят.
Падает наземь каменный град.

— Вперёд, Хара-Курен, — крикнул Чалджи, дёргая поводья.

Хара-Курен мой, лети скорей!
Глумится над нами враг-лиходей,
Но знаю я: время расплаты придёт.
Вперёд, мой товарищ, быстрее вперёд!

По шлему, по панцырю гулко стучал каменный град. Но хомс был цел, пастух прижал его к груди и прикрыл щитом.

У огромной скалы Хара-Курен остановился и так надавил на гранитную стену, что она подалась, образуя выемку. Как раз в это время с неба полетели камни величиной с баранью голову.

Наконец, страшный грохот утих, только мелкие камешки долго ещё стучали о шлем Чалджи. С трудом выскочил Хара-Курен из засыпавшей его груды камней. И тут Чалджи увидел страшную картину: где шумел лес — торчали расщеплённые пни, где зеленела трава — лежали мёртвые камни, а где была долина — возвышались горы.

Хара-Курен заржал, и его тоскливое ржанье подхватило и понесло по камням гулкое эхо.

— Проклятый Хозяин Чёрной горы! — проговорил Чалджи.—Твоих злодеяний не перечесть. Ты рвёшь у рыбаков сети, ты насылаешь суховеи на степи, где пасётся скот, ты поднимаешь землю в небо и несёшь её пылью, ты каменным градом хотел преградить мне дорогу, но я уничтожу тебя и вместе с тобой умрут суховеи, сгинет град и не страшны станут людям громы.

Он поправил хомс, крепко зажал щит в руке и тронул коня.

15. ЧЁРНЫЕ ЗЁРНА

— Безумный старый шаман! — закричал Хозяин Чёрной горы, когда ему рассказали, что каменный град не убил пастуха. — Чем набита твоя голова? Твои глупые выдумки не приносят мне никакой пользы!

Шаманы стояли перед каменноухим и тряслись от страха.

— Думайте! — кричал он, — а не то я разорву вас в клочья.

И опять долго думали шаманы. Теперь вперёд выдвинулся шаман, стоявший в средине.

— Каменный град не убил пастуха потому, что тот ездит на быстроногом Хара-Курене, — проговорил он вкрадчивым голосом.

— А кто такой Хара-Курен? — спросил Хозяин.

— Это конь. Богатырский конь с крылатыми ногами, но... — и тут шаман хитро сверкнул глазами, — но с обыкновенным желудком...

— Что ты придумал? — закричал Хозяин. — Говори скорее, я уже устал слушать твой змеиный голос.

Шаман быстро сунул руку за пазуху и приблизил к лицу Хозяина сжатый кулак.

— Вот где смерть пастуха, — прошептал он, дико оскалившись.

На ладони лежали чёрные зёрна.

Хозяин схватил зёрна, долго их рассматривал на свету и засмеялся.

А Чалджи в это время ехал по каменной долине. Гулко цокали копыта Хара-Курена. Нигде не было видно живой травы, кругом только огромные камни, обросшие сухим, как лишаи, мохом.

Хара-Курен остановился, низко склонил голову, и грива его волной скатилась на камни.

Чалджи повёл коня в поводу, а сам глазами искал ручей или зелёный лужок, чтобы напоить и накормить друга. Но старания его были напрасны. Он прилёг у ног коня и в забытьи закрыл глаза.

И в это время Хара-Курен радостно заржал: между камней из сухой земли поднимались зелёные стебли сочной травы. В одно мгновение вся долина покрылась травяным ковром, затрещали кузнечики, запели шмели, запорхали бабочки. Конь принялся жадно щипать траву.

...Когда Чалджи очнулся, он не поверил своим глазам — вместо мёртвых камней было зелёное раздолье нетронутого пастбища. Чалджи радостно вскочил на ноги и... замер от ужаса. Он увидел, что Хара-Курен лежит в траве с распухшим животом и закрытыми глазами.

В тоске и печали сидел Чалджи над Хара-Куреном.

Вдруг засияла вдали заря,
Вершины тасхылов ярко горят.
Кто-то негромко зовёт Чалджи:
— Брат мой любимый, не плачь, не тужи!..
Поднялся Чалджи, в небеса глядит.
Лебедь — вещая птица летит,
Воду живую с собою несёт.
К коню опустилась она и вот:

Уснуть скакуну вечным сном не даёт,
Крыльями машет над головой,
Брызжет в морду коня водой.

Оживший Хара-Курен легко поднялся на ноги, высоко вскинул голову и призывно заржал, неторопливо переступая копытами. А лебедь встряхнулась и превратилась в девушку.

— Сестра моя! — закричал Чалджи, бросаясь навстречу Чибек.

Как овцы, что ходят в отаре одной,
Как речки, сливающиеся весной,
Встретились радостно брат с сестрой.

Но не долгой была эта встреча.

— Брат мой! — сказала Чибек. — Не теряй ни минуты. Скорее скачи навстречу Хозяину Чёрной горы. Он новые беды готовит на твоём пути. Страшен Хозяин Харатаг! Он сеет на нашей земле чёрные зёрна несчастий, горя и болезней. Не слышит он каменными ушами слёзы и стон народа. Убей его! Помни, что в трудную минуту я всегда буду рядом с тобой.

Чалджи крепко обнял сестру и вскочил в седло. Чибек долго махала ему рукой.

16. ЗЛОЕ СЕМЯ

— Откуда взялась эта Чибек? — твердил Хозяин Чёрной горы, свирепо вращая жабьими глазами, — я устал слушать и думать, я устал смотреть на ваши гнусные рожи!

Шаманы, как и прежде, стояли перед ним, низко опустив головы. На этот раз никто из них не мог произнести ни слова. Но вот вперёд вышел самый молодой и самый злой шаман.

— Чёрные зёрна, — сказал он, — бессильны в борьбе с пастухом. Они дают свои ядовитые ростки только в земле. А я зароню злое семя в душу пастуха. И тогда меч сам упадёт из его рук.

И вот Чалджи увидел на пути своём груды золота, алмазов, драгоценных камней. В расщелинах текли реки густой араги. На таганах повсюду висели котлы с жареной бараниной. То и дело на дороге попадались кованые сундуки, набитые шелками и парчой. Но Чалджи не замечал всех этих сладостей

и богатств. Он рукой отгонял манящий дух баранины и аромат араги.

— Ничего, — шипел самый злой шаман, — ты не хочешь золота и араги. Тогда я куплю твою молодую душу другим...

...Когда Хара-Курен поднялся на вершину тасхыла, Чалджи радостно вскрикнул: навстречу ему, вытянув вперёд руки, бежала Чибек. Она была одета в такой богатый наряд, какого Чалджи никогда не видел.

— Брат мой! — крикнула она каким-то странным, своим и не своим голосом. — Смотри, какая я нарядная! Наконец-то я высушила слёзы. Теперь я стала самой красивой и самой богатой на земле! Ты не завидуешь мне?

— Что сталось с тобой, сестра моя? — спросил удивлённый Чалджи.

— Я нашла то, что искала всю жизнь. Я нашла — золото.

— А мать и отец, которых угнал Хозяин Чёрной горы?

— Зачем мне они — теперь мне ничего не надо. У меня есть всё: почёт, слава и доброе имя. У меня теперь столько нарядов и столько женихов, что даже туч в небе меньше в ненастную погоду! Пойдём со мной, — говорила она, нежно обнимая Чалджи. — Зачем тебе рисковать в битве с Хозяином Чёрной горы! Я приведу тебя в мой улус, ты привяжешь Хара-Курена у золотого столба и будешь жить в золотой юрте. Я позову много красивых, самых красивых девушек. Они будут петь тебе тахпахи, и любая из них станет твоей женой.

— Прочь, гадина, взявшая образ Чибек! — закричал Чалджи, поднимая меч. — Я не верю тебе, твоим подлым словам, твоим ласкам и твоему наряду. Если бы ты была моей настоящей сестрой, ты не забыла бы матери и отца, ты не сменяла бы людей на золото. Я отсеку твою голову, змея!

С этими словами он замахнулся мечом, и та, что стояла перед ним в образе Чибек, вдруг стала сама собой — пёстрой гадюкой. Она зашипела и, извиваясь, уползла под камень.

Так был посрамлён самый злой шаман.

17. ПЕРВАЯ БИТВА

Издалека увидел Чалджи высокую гору Харатаг. В лицо ему пахнуло болотным туманом, могильной сыростью и ядовитым смрадом.

Хара-Курен, предчувствуя битву, нетерпеливо кусал удила и прядал ушами. Чалджи тронул его хамчой, и конь единым махом выскочил на вершину Харатаг и начал бить копытами так, что из-под них полетели искры. А Чалджи, подняв щит, ударил по нему кулаком и закричал:

— Выходи, Хозяин Чёрной горы! Я приехал к тебе за медвежьими шкурами, которые ты взял у Алыгбая!

Так он долго кричал и бил в щит, и гулкие звуки плыли над землёй. Птицы стаями поднялись в небо и кружились в вышине, не смея спуститься на скалы. В чащобах завыли волки, а на могильных курганах тревожно заклёкотали орлы.

Хозяин метался в глубине горы, сжимая свои каменные уши.

— Где мой змеиный бич? — кричал он. — Я сам сломаю кости этому проклятому пастуху! Я убью его так же, как убил когда-то Ах-молата!

Схватив бич, он широко размахнулся и щёлкнул им. Скалы раздвинулись. Хозяин размахнулся второй раз, и бич, засвистев, трижды опоясал грудь Чалджи.

— Ха-ха-ха-ха, — заревел Хозяин.— Теперь ты не уйдёшь от меня, пастух!

Он с силой дёрнул бич, но Хара-Курен уперся упругими ногами и даже не покачнулся.

— Ого-го! — кричал Хозяин. — Твой конь крепко стоит на земле. Но это тебя не спасёт! Мой бич раздавит твою костлявую грудь!

— Нет, — отвечал Чалджи, — моя грудь прикрыта панцырем, который мне дал народ: твой бич для меня не страшнее паутины.

С этими словами он разрубил натянутый, как струна змеиный бич. Хозяин упал, задрав кверху короткие ноги. Хара-

Курен рванулся вниз на Хозяина Харатаг. Чалджи уже занёс меч, чтобы отрубить голову с раскосыми глазами. И вдруг Хозяин подпрыгнул и... там, где он стоял, взвилось облако сажи. Чалджи не удержал руку с мечом и рубанул по чёрному облаку. Оно рассеялось, только два огромных каменных уха упали на землю и, гремя, покатились в ущелье.

...Чалджи растерянно смотрел, как таяло облако сажи в голубом небе. Вдруг Хара-Курен тревожно заржал и начал пятиться, осторожно перебирая ногами.

Чалджи взглянул вниз и увидел, как огромный вал мутной воды, нарастая, катится из ущелья. Волна с шумом подкатилась к ногам коня. В лицо ударили холодные брызги.

Конь вздыбился и, поворачиваясь, хотел сделать прыжок, но вторая волна ударила с новой силой и вышибла Чалджи из седла.

Он глотнул солёной воды, захлебнулся. Силился устоять на ногах, но волны одна за другой били его в грудь...

...Очнулся Чалджи ночью. Сначала он увидел звёзды, потом яркое пламя костра. Невдалеке слышалось фырканье насущегося Хара-Курена. Трава, камни и земля были мокрыми, как после длительного ливня.

Чалджи повернул голову и увидел: у костра сидит незнакомый голубоглазый человек с русыми волосами.

— Кто ты? — спросил Чалджи, с трудом разжав запекшиеся губы.

— Я — Орыс Кизи [1], — ответил человек, протягивая руку. — Я — твой друг.

— Это ты спас меня? — снова спросил пастух.

— Я вытащил тебя на камни. А когда поток схлынул, я разжёг костёр.

— Откуда взялась эта вода?

— Это слёзы и пот, которые выжал Хозяин Чёрной горы из народа.

---

[1] Орыс Кизи — русский человек

— Ты знаешь Хозяина Чёрной горы? — с удивлением воскликнул Чалджи.

— О-о! Его-то я очень хорошо знаю, — отвечал Орыс Кизи. — Я пришёл помочь тебе. Двоим нам легче справиться с ним.

Чалджи встал и протянул новому другу руку. Так они долго стояли — один черноголовый, другой светлоголовый — рука одного крепко пожимала руку другого.

18. ПОБЕДА

На заре, когда из-за гор сверкнули первые золотые стрелы солнца, Чалджи с тоской оглянулся вокруг и проговорил:

— Как же нам найти проклятого Хозяина?

— Не унывай, друг! — сказал Орыс Кизи. — Хозяин Чёрной горы недалеко — вон ты видишь снежные тасхылы. Там последнее пристанище врага.

Они сели вдвоём на Хара-Курена и помчались быстрее ветра. На вершину снежных тасхылов вела узкая извилистая тропинка. Она петляла среди ущелий.

Когда Хара-Курен мчался между двух скал, раздался страшный грохот. Это обвалилась, преградив дорогу, огромная гора.

Чалджи спрыгнул с коня и горестно покачал головой. Орыс Кизи сказал:

— Нас всего двое... Если бы у нас была тысяча рук, мы бы по камешку быстро раскидали гору.

Глаза Чалджи загорелись радостным огнём.

— У меня есть хомс, — сказал он. — Волшебный хомс!

Он сел на камень и тронул струны. Хомс запел звучным, ясным голосом:

Я знаю, Чалджи и Орыс Кизи,
Какой бы вам лютый враг ни грозил,
Как труден бы ни был невзгоды час,
Народ в беде не оставит вас!

Так пел хомс, и тысячи людей шли на его призыв. Вскоре ущелье огласилось говором, смехом, громкими возгласами. Едва солнце глянуло из-за горы, дорога была расчищена.

— Спасибо, друзья! — говорили людям Чалджи и Орыс Кизи. — Теперь до вершины тасхыла рукой подать.

И снова мчался Хара-Курен, неся на себе двух друзей.

А хозяин Харатаг в это время, наточив длинные стрелы, натягивал тетиву лука. Прицелившись, он пустил первую стрелу в Хара-Курена. Но Чалджи подставил щит, и стрела отскочила, как от скалы. Вторую стрелу Хозяин пустил в Орыс Кизи. Но и тут Чалджи успел прикрыть друга щитом. Третья стрела, направленная прямо в сердце Чалджи, ударилась о панцырь и переломилась.

— Стой, друг! — сказал Орыс Кизи, вглядываясь в вершину. — Чтобы Хозяин опять не превратился в облако сажи, мы должны взять его хитростью. Видишь, два выступа — поезжай между ними.

Чалджи направил Хара-Курена туда, куда показывал друг. Просвистела четвёртая стрела, и Орыс Кизи, притворившись раненым, громко застонал и упал с коня на камни.

Хозяин Харатаг от радости захохотал, притопывая кривыми ногами.

— Проклятый пастух!— кричал он. — Я убил твоего друга, а ты удираешь от меня за каменный выступ. Но и там моя стрела найдёт тебя.

Чалджи, скрывшись за выступом, сразу же повернул коня назад. Хозяин Чёрной горы спускался к Орыс Кизи и хрипел:

— Давно я не пил тёплой человеческой крови. Сейчас я утолю свою жажду, ещё больше окрепну и тогда — берегись, дерзкий пастух!

Он протянул руку, чтобы схватить Орыс Кизи, и в это мгновение Чалджи гикнул, Хара-Курен рванулся вперёд. Молнией сверкнул меч Ах-молата в руке Чалджи. Свистнул воздух, и голова Хозяина Чёрной горы покатилась на камни, из перерубленной шеи хлынула кровь, похожая на густую липкую грязь.

— Мы победили! — вскричал Чалджи, подавая руку поднявшемуся другу.

— Теперь надо освободить пленённый народ! — сказал Орыс Кизи.

Друзья подошли к огромной медной скале и начали расшатывать её.

Скала не двигалась с места. Тогда Чалджи подсунул под неё меч, друзья налегли на рукоятку, Хара-Курен нажал могучей грудью, и скала начала медленно опрокидываться.

— Наша победа! — воскликнул Чалджи, —
Да будет отныне радостной жизнь
Для бедных, иссохших в неволе людей,
Которых держал под скалой лиходей!
Выходите, друзья, из проклятой тюрьмы —
Чудовище в битве сразили мы.
Идите в просторы степи родной,
Живите счастливой и дружной семьёй!
— И люди сырой покидали провал...
И каждый спасибо героям сказал.

Из толпы вперёд протиснулись старик со старухой.

— Пропустите Арыг, пропустите Ирека, — кричал народ, — они спешат обнять своего сына.

Чалджи от неожиданности не мог произнести ни слова. Он впервые увидел родного отца, он впервые припал головой к материнской груди...

На медной скале написал Чалджи:

Кто хочет идти к нам, как хищник и вор,
Пусть знает, что меч наш всегда остёр.
Того, кто придёт к нам с открытой душой,
Как первого гостя, зовём мы на той.

— Теперь можно и отдохнуть, — сказал Чалджи, радостным взглядом окинув просторы родной земли.

— Нет, друг, — возразил Орыс Кизи, — пока жив Алыгбай, простому народу нет на земле счастья.

— Ты прав! — ответил Чалджи. — Это он засадил меня в темницу за то, что я сказал правду. Это он послал меня за семью медвежьими шкурами.

— Алыгбай наш заклятый враг! — подхватил народ.

И друзья снова сели на коня и отправились в путь.

Издалека услышал Алыгбай страшный топот копыт и звон богатырского щита. Блеск меча резал ему глаза, как вспышки коротких молний.

— Эгей! Алыгбай! — закричал Чалджи. — Я привёз медвежьи шкуры. Только на них тебе не придётся спать.

Чувствуя свою гибель, Алыгбай спрятался в золотой юрте, а охранять её заставил казначеев, прислужников и баев, которые так тряслись от страха, что никак не могли натянуть тетиву упругих луков.

Со всех сторон на подмогу Чалджи и Орыс Кизи бежал народ. Ханские прислужники и баи были перебиты, а жирную тушу Алыгбая разрубил своим мечом сам Чалджи.

— ...Так был освобождён стонавший народ, — пел дедушка Айдок.

— Чалджи нашёл свою сестру—прекрасную Чибек, своего отца и старую мать.

...Помню был большой той. Я сидел рядом с почётными гостями и пил арагу. Вдруг поднялся Орыс Кизи. Он сказал:

— Друзья! Алыгбай наградил моего друга презрительной кличкой — Чалджи. Теперь нет Алыгбая. Так почему же осталась кличка? Как мы назовём моего друга?

И народ закричал со всех сторон:

— Назовём его — Победитель. Он заслужил это званье!

И с тех пор не стало Чалджи, теперь живёт в народе Чинисчи, что означает Победитель.

...Много было выпито араги тогда. Я не заметил, как наступила ночь, и месяц выгнал своих овец-звёздочек на пастбище. Тут только вспомнил я, что надо ехать домой. Мне дали коня и я поскакал.

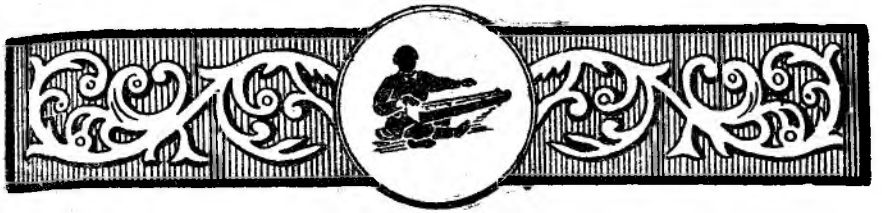
Много ли, мало ли я скакал, только вдруг увидел, что вместо коня у меня чатхан, вместо топота копыт — рокот семи струн, а вместо небесных звёздочек — ваши глаза...

Так закончил Айдок свою сказку.

— Нашли ли вы в моей кедровой шишке самый твёрдый орех? — спросил он на прощанье.

— Нашли, дедушка, нашли! — ответили мы. — Судьба Чинисчи — это судьба нашего народа.

— То-то же, — сказал старик. — Да ведь вас не удивишь чудесной сказкой, вы сами скоро будете творить чудеса.

Сказки старого аяги

Утка

У озера в камышах жила Утка. А недалеко от озера жили старик со старухой. У Утки было камышёвое гнездо и 10 яиц. А у старика со старухой была юрта, ручная тележка и 10 коз.

Однажды полетела Утка на дальние озёра к своим подружкам. А старик пригнал коз на полянку к озеру и стал собирать и накладывать на тележку сухой валежник. Устал старик и сел у озера отдохнуть. Видит: среди камышей что-то чернеет. Встал, не поленился, залез в камыши и увидел гнездо и в нём 10 яиц.

Обрадовался старик. Собрал яйца в шапку, положил шапку на тележку и повёз домой — похвалиться находкой перед старухой.

Утка прилетела, а яиц нет. Что делать, как помочь горю— не знает. Поднялась Утка в небо и увидела сверху, что старик тележку везёт, а на тележке в шапке — яйца.

Упала Утка на дорогу впереди старика и притворилась мёртвой.

Старик подошёл, видит — в пыли Утка лежит — крылья распластаны, глазки закрыты.

Ещё больше обрадовался старик. Схватил Утку, положил возле шапки и чуть не бегом покатил тележку. Катит и не оглядывается назад.

Утке только это и надо. Взяла она шапку с яйцами в лапки и улетела.

А старик подъехал к юрте и кричит жене:

— Старуха! Хвали меня! Привёз я тебе утиные яйца и Утку.

Старуха выбежала из юрты, смотрит на тележку, а там кроме хвороста ничего нет.

— Где яйца? Где Утка? — спрашивает старуха.

Старик видит — ни Утки, ни яиц нет. Схватился за лысину — шапки нет.

— Выронил, наверное, — сказал старик. — Пойдём на дорогу искать.

Шли; шли — ничего не нашли. Пришли на полянку к озеру, а коз тоже нет.

— Ах ты, старый пень, — кричит старуха, — за Уткой погнался, коз и шапку потерял!

И начала старуха колотить старика. Бьёт и приговаривает:

— Не гоняйся за чужим добром — своё потеряешь!

Хитрая лиса

Лиса взяла хомс и пошла, наигрывая, по лесу. Повстречался ей Заяц.

— Куда идёшь, сестричка? — спросил он.

— На свадьбу, — говорит Лиса. — Видишь, с хомсом иду.

— Возьми меня с собой?

— На такую большую свадьбу как же не взять. Пойдём!

Запели они вдвоём весёлую песню и пошли дальше. У холма увидели Волка.

— Куда идёте, друзья? — спросил он.

— На свадьбу, брат Волк.

— Меня возьмёте с собой?

— Если меня верхом на себя посадишь, возьмём! — говорит Лиса.

— Как же не посадить сестричку, — проговорил Волк. — Садись!

Лиса уселась на спине Волка и начала наигрывать на хомсе. В тайге встретился им Медведь.

— Куда отправились, младшие мои братья? — спросил он.

— На свадьбу идём! На свадьбу, дедушка Аба! — закричали Волк, Лиса и Заяц. — А ты далеко ли идёшь?

— Ищу муравейники, — отвечал Медведь. — Возьмите меня с собой.

— Если тебя не взять, дедушка, то кого же тогда возьмём! — говорит Лиса.

Вот пришли они на свадьбу. От сладкой араги гости быстро захмелели. Больше всех веселился Заяц. Он пел:

Эх, у Зайца щи густые,
А не то, что у овечки!
Пью не капли росяные, —
Арагу из светлой речки!
Я живу под Красным Яром
Я, друзья, с рожденья смелый!
Я — хитрец! Ведь я недаром.
Летом — серый, зимой — белый.

Лисе уже давно хотелось свежей зайчатины. И она шепнула Волку:

— Смотри, как Заяц на тебя зубы скалит.

Волк рассердился и разорвал Зайца в клочья. Лисица жирные кусочки спрятала за спину, а сама сидит заячьи косточки погладывает. Однако, мало ей показалось.

А Волк и Медведь поют, веселятся. Все птицы слетелись посмотреть на свадьбу. Сидят на соснах и удивляются. Смотрят, как Волк поёт, пасть широко раскрывает.

Лиса шепнула Медведю:

— Дедушка Аба! Почему это Волк тебя дразнит, язык показывает?

Медведь рассердился и разорвал Волка. Лиса опять жирные куски спрятала за спину, а остальную волчатину разделили пополам.

Долго продолжалась свадьба. Медведь проголодался, посмотрел на Лису, а та мясо ест.

— Ты, сестричка, где мясо берёшь?

— Из нутра, — отвечает Лиса. — Разрываю живот, достаю кусочки и кушаю.

Медведь впустил когти себе в живот, разорвал шкуру и умер.

А Лиса обрадовалась: — Вот поживу теперь!

Но тут налетели вороны и сороки, начали клевать со всех сторон злую хитрую Лису. Она бросила мясо и убежала ни с чем.

Перепёлка и лиса

Всем довольна Перепёлка, только вот одна у неё беда: жиреть ей никак нельзя. Как зажиреет — быстро взлететь не может. Тут её Лисица и ловит. И выходит, что надо Перепёлке всё время впроголодь жить.

Задумала однажды Перепёлка отомстить Лисице.

— Не век же тебе, Лисица, моим жиром лакомиться. Не век же мне, Перепёлке, худой быть, — подумала она и полетела к Лисице.

— Что ты любишь, Лисица? — спрашивает Перепёлка.

— Веселиться, — отвечает та.

— Ну, тогда пойдём со мной, я тебя повеселю.

На краю улуса возле юрты сидели старик со старушкой. Старик топорище строгал, а старушка шила одежду.

Перепёлка подлетела к ним и села на грудь к старушке.

— Стой, стой, старуха, не шевелись! — проговорил старик. — Я перепёлку убью.

Замахнулся он топорищем, Перепёлка увернулась, и ударил старик свою старуху.

А Лисица смотрит издали и смеётся.

— Сколько живёшь на свете, боялась ли ты кого-нибудь? — спрашивает Перепёлка у Лисицы.

— Нет, не боялась.

— А хочешь, я тебе страшное покажу?

— Покажи, — говорит Лисица, — если смешное видела, почему же не посмотреть страшное?

— Тогда иди за мной, — ответила Перепёлка и полетела в улус.

Посреди улуса Лисицу окружили собаки, лают, зубами щёлкают, стараются схватить. Со всех сторон крик — люди бегут с кольями, с ружьями, с топорами.

Лисица со страху чуть не упала, туда-сюда заметалась. Кое-как вырвалась и убежала в степь.

Перепёлка спрашивает у неё:

— Ну, как, видела страшное?

— Ой, ой,—стонет Лисица,—ничего не слышу—оглохла.

Перепёлка подлетела ближе.

— Страшное видела, говорю?

— Ой, не слышу, — стонет Лисица. — Совсем оглохла.

Перепёлка подлетела к самой её морде, только хотела спросить, а та — ам! — и схватила её.

— Погоди, Лисичка, не ешь меня! — взмолилась Перепёлка. — Я не жирная. Дай перед смертью слово сказать.

— Говори.

— Корова как мычит?

Лисица сквозь зубы — му-му, — замычала.

— Лошадь как ржёт?

Лисица опять сквозь зубы — иго-го, — заржала.

— А волк как воет?

— У-у-у, — завыла Лисица. Тут Перепёлка выпорхнула, расправила пёрышки и спрашивает:

— Ну, как наелась?

— Нет, не наелась, — отвечает Лиса.

— Пойдём со мной. Я тебя накормлю.

По лесной опушке шли охотники. Они несли убитую козу. Перепёлка упала к их ногам. Охотники хотели её схватить, но Перепёлка отлетела в сторону, охотники бросились за ней. А Лиса начала есть мясо. Пока охотники гонялись за Перепёлкой, Лиса полкозы съела и убежала.

Перепёлка прилетела к ней и спрашивает: — Наелась?

— Спать хочу, — отвечает Лиса. — Надо бы место помягче найти.

— Беги за мной, — говорит Перепёлка, — я покажу тебе такое место.

Прилетела Перепёлка в лесок и показывает на корягу.

— Вот тут мягко, — говорит, — полезай сюда.

Лисица сладко зевнула и полезла. Только сунула под корягу передние лапы, а капкан — цок — и поймал Лису.

— Ну, вот, — сказала Перепёлка, — хватит тебе, Лиса, жиреть. Посиди теперь в капкане.

Синичка и ленивый мальчик

Ленивый Мальчик сидел на берегу реки и плакал. Он плакал потому, что было очень жарко, хотелось искупаться, а раздеться и лезть в воду не хотелось. Даже пошевелить пальцем не хотелось.

А Синичка порхала над водой, мочила в реке лапки, била о воду крылышками, и ей было прохладно и весело.

— Вот и мне бы так! — с завистью сказал Ленивый Мальчик.

— Ну, что же, — откликнулась Синичка, — иди сюда и мы будем купаться вдвоём.

— Да-а, — протянул Мальчик. — Легко сказать — иди сюда. А если я утону.

— А ты держись за осоку.

— А если руку порежу?

— А ты надень кожаную рукавичку.

— А если рукавичка намокнет?

— Ты высушишь её на солнце.

— Она на солнце заскорузнет и потом порвётся.

— Ну, тогда ты возьмёшь иголку и нитку и наложишь заплатку.

— А стану починять и уколю палец.

— Надень на палец напёрсток и тогда не уколешь.

Мальчику надоел длинный разговор. Он схватил камень и крикнул:

— Такая маленькая вздумала учить меня. Вот я тебя сейчас камнем!

Он поднялся, замахнулся, чтобы кинуть в Синичку камнем, но поскользнулся и упал в воду. А Синичка полетела со смехом рассказать всем птицам о том, как она проучила Ленивого Мальчика.

И все птицы говорили:

— Пусть никогда не ленится и не дерзит другим. Хорошо ещё, что упал он в реку. А в другой раз может плюхнуться в грязную лужу...

Петух и косачиха

Встретились Петух и Косачиха и стали жить вместе. Вскоре Косачиха принесла семь яиц и высидела семь птенцов. Красивые были птенцы — головы у них — как у Косачихи, а хвосты — как у Петуха.

Бедно жили Петух и Косачиха. Петух говорит:

— Пойдём, мать, в улус, там на току зерна много.

А Косачиха упрямится:

— Нет, лучше пойдём в березнячок. Там много берёзовых семян.

Послушался Петух Косачиху. Полетели они в березнячок, искали, искали — ничего не нашли. А тем временем куцый Волк съел птенцов.

Плачут Петух с Косачихой. Что делать — не знают.

— Полетим в улус, — говорит Петух, — там нас добрые люди без еды не оставят.

В улусе пришли они к бедной старушке. Взглянула она на них — очень обрадовалась, последние крошки собрала и им отдала. И остались они в улусе.

Однажды пришёл к старушке жадный бай и говорит:

— У тебя есть тастербен (ручная мельница). Продай мне.

Старушка заплакала, упала на колени.

— Как же я без ручной мельницы жить буду? Как же я муки намелю?

— Ну, раз не хочешь — силой возьму, — сказал бай и унёс тастербен.

Все люди жалели старушку, а заступиться за неё не могли—боялись бая.

— Не плачь, старушка! — сказал Петух. — Я помогу твоему горю.

Взлетел он на юрту бая и кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Ты, жадный бай, отдай старушке мельницу. А не то я тебе глаз выклюю!

Бай услышал эти слова и приказал батраку:

— Поймай Петуха и брось в конюшню. Его скакуны ногами затопчут.

А Петух и в конюшне кричит, баю грозит.

Бай тогда велел бросить Петуха в коровник, чтобы его коровы забодали. А Петух и у коров кричит невредимый.

— Тогда, — говорит бай, — зажарьте Петуха, я его съем. Зажарили Петуха. Жадный бай только проглотил его, как слышит, что в животе кто-то кричит. Прислушался — Петух.

— Ку-ка-ре-ку! — кричит, — отдай, бай, мельницу!

Испугался бай, упал на пол и приказал:

— Бейте меня палкой по животу. Бейте сильнее, чтоб Петуха убить.

Батраки начали что было силы колотить бая по животу. А Петух ещё громче заливается:

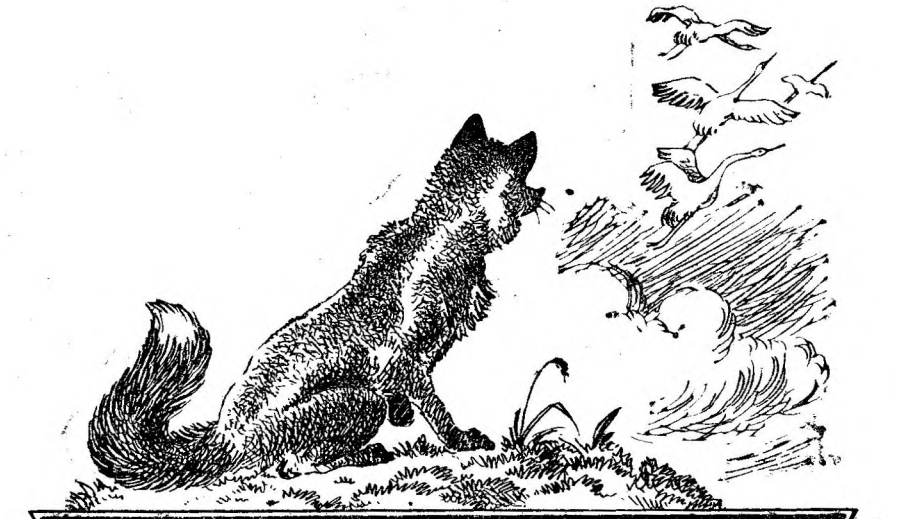
— Отдай, бай, мельницу! А то сердце твоё исклюю.

Испугался бай пуще прежнего.

— Бейте, — кричит, — топором по животу.

Начали батраки бить топором и разрубили баю живот. А Петух жив-здоров. Схватил тастербен и полетел к старушке. Видит, куцый Волк к овцам крадётся.

Кукарекнул Петух, кинул ручную мельницу прямо на Волка и задавил его. А из лопнувшего волчьего живота семь косачат вылетели. Подхватили они вместе с отцом-Петухом тастербен, принесли и отдали старушке. И кормила их старушка отборным зерном...

Кто умнее?

Повадилась Лисица ходить к Колончихе. Придёт, сядет у дерева, на котором живёт Колончиха, и грозит:

— Эй, Колончиха, отдай мне детёныша. А не то завьюсь змеёй, подскачу к тебе и всех вас съем.

Колончиха от страху не знает, что и говорить.

А Лисица всё ей кричит:

— Отдай детёныша. Не дашь — худо будет.

Нечего делать Колончихе — приходится кидать Лисе детёныша. Лисица лакомится, а Колончиха горько плачет.

Вот однажды рассказала Колончиха про свою беду журавлям. Засмеялись те и говорят:

— Не бойся Лисицы! Это она хитрит. Тебя она на дереве никогда не достанет.

Осмелела Колончиха и, когда в другой раз Лисица пришла детёныша требовать, говорит ей:

— Врёшь ты всё! Не боюсь я тебя.

— Как это не боишься? — закричала Лисица. — Вот сейчас подпрыгну и достану тебя.

— А ну, попробуй, — отвечает Колончиха.

Разбежалась Лисица, прыгнула, а достать не может. Колончиха смеётся над ней.

— Кто тебе сказал, что я достать тебя не смогу? — спрашивает Лисица.

— Журавли.

— А где они?

— Улетели через вершины тасхылов.

Кинулась Лисица за журавлями. Догнала их и кричит:

— Журавли, журавли, пожар сюда идёт!

Испугались журавли, не знают, что делать.

— Летите за мной, — говорит Лисица, — я вас от пожара спрячу.

Привела она их к своей норе и показывает:

— Лезьте! А я вас буду караулить.

Зашли журавли в нору, а Лисица спрашивает:

— Ну, дорогие, что вы сказали Колончихе про меня? Вот теперь я съем вас.

Журавли говорят:

— Подними передние лапы, дай нам хоть перед смертью на небо взглянуть.

Лиса подняла лапы, а журавли кинулись в просвет между ними и улетели.

Застонала, заохала Лисица от злости.

— Как жить буду? Чем питаться буду? Все меня обманывают. Все умнее и хитрее меня!

Увидела она Марала.

— Как бы перехитрить его? — думает. — Вон он какой большой, наверно, ума у него много. Журавли меньше меня, да и то хитрее оказались.

Однако, решила попробовать. Подошла к Маралу и говорит:

— Ой, тошно мне жить! Как бы умереть мне — раз жить надоело. Убей меня.

Марал спрашивает:

— А как тебя убить?

— Разбегись и ударь меня грудью о скалы. Тут я и умру, а тебе спасибо скажу.

Разбежался Марал, только хотел ударить Лису, та отскочила, и разбился бедный Марал о скалу.

Обрадовалась Лисица.

— Марал такой большой, а глупее меня! — кричит. И начала хохотать. Хохотала, хохотала, да со смеху и подохла...

Как хорёк проклял хомяка

...Вернулся как-то Хорёк из гостей под утро к себе домой— видит: амбары, в которых лежало заготовленное на зиму зерно, пусты.

Возмутился Хорёк. Прибежал к норе Суслика и стучит:

— Кто там? — спрашивает Суслик.

— Это я, Хорёк. С обыском к тебе иду.

Открыл Суслик двери, а Хорёк на него налетел и говорит:

— У меня из амбаров кто-то зерно украл. Не ты ли?

— Что ты!—взмолился Суслик. — Да разве я такое позволю!

— Знаю я тебя, старого воришку! Показывай, что у тебя в кладовых припрятано.

Осмотрел Хорёк кладовые, а в них, кроме колосьев пшеничных, ничего нет.

— Прости, брат, за подозрение, — сказал Хорёк. — В таком деле и отцу родному не поверишь. Пойдём со мной, будешь свидетелем.

Пришли они к Крысе Урсен.

Та перепугалась, начала клясться, что не брала чужого зерна.

— Я ведь только картошкой питаюсь, — говорит. — Зачем мне зерно?

Осмотрели Хорёк и Суслик подвалы Урсен, а там, кроме картошки, ничего нет.

— Ну, ты уж извини, — говорит Хорёк. — Может что слышала ночью?

— Как же! — отвечала Урсен. — Недалеко от меня Хомяк живёт, так он всю ночь нынче бродил, всё что-то в мешках таскал.

— А ну, пойдёмте к нему! — сказал Хорёк.

Пришли они к норе Хомяка, начали стучать — не открывают.

— Откройте! — кричит Хорёк. — Я с обыском иду!

Долго стучали, а потом Урсен и говорит:

— Я знаю чёрный ход, пойдёмте, покажу.

Отошли несколько шагов, видят — прямо в землю круглая дыра ведёт.

— Наверно, Хомяк моё зерно украл, — сказал Хорёк и смело полез в нору.

Навстречу ему Хомяк.

— Чего лезешь в чужой дом? — кричит. — А ну, выходи!

— Я с обыском иду, — отвечает Хорёк. — У меня ночью зерно украли.

— А мне нет дела до твоего зерна и до тебя. Уходи, говорю!

— Почему не пускаешь? — спрашивает Хорёк. — Видно, у тебя душа не чиста?

— Моя душа — не твоя. Уходи, пока ноги целы.

— Ты вор! — закричал Хорёк. — По глазам вижу!

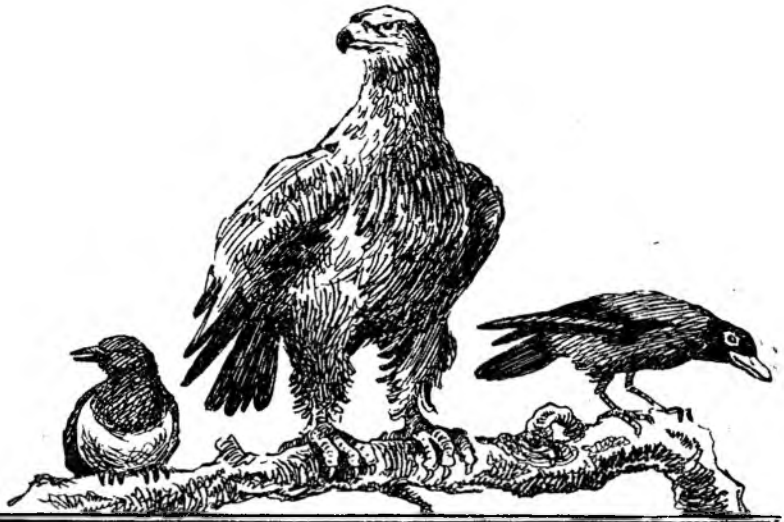
— Сам ты вор! — ответил Хомяк и захлопнул дверь.

Вылез Хорёк наружу ни с чем, но злой-презлой. Его друзья — Суслик и Урсен — смотрят, что он будет делать.

Поднял Хорёк лапу и начал проклинать Хомяка:

— Ты, два хода имеющий, зерно моё ворующий, страшною смертью умрёшь! Будут приходить к твоей норе бабы, будут приносить в вёдрах воду, будут они лить её в твою нору, и захлебнёшься ты той водой. А добивать тебя будут коромыслами. Проклинаю тебя, вор Хомяк!

С тех пор так и повелось: хомяков из нор водою выгоняют и коромыслами добивают.

Как птицы царя выбирали

Собрались птицы со всех концов и начали говорить между собой: вот, мол, живём мы, птицы, без начальника, кому как вздумается. Давайте, выберем царя, чтоб он был самым сильным, самым умным и самым долговечным среди нас.

Тут Галка прошлась важно и говорит:

— Я думаю, надо нам царя такого, чтоб у него хвост был длинный и чтоб шарф был на шее.

Засмеялись птицы: — Уж не тебя ли в цари выбрать?

Обиделась Галка.

— Раз вы насмешки надо мной строите, улечу я от вас. И улетела.

Филин повертел головой в разные стороны и сказал:

— А по-моему, — царь должен быть чуткий и чтоб ночью мог видеть.

Снова засмеялись птицы: — У тебя, Филин, уши длинные, ночью глаза зоркие, — не ты ли царь?

Обиделся Филин.

— Что вы смеётесь! Я вам не Галка-вертихвостка. Улечу от вас в тайгу, но берегитесь, все ваши тайные разговоры подслушаю и царю донесу.

И улетел.

Поднялся с места Кулик.

— Без голоса царь — не царь. Нам надо такого царя, чтобы как крикнет, так всем на душе сразу тоскливо стало.

Пуще прежнего захохотали птицы: — Кричать-то ты мастер, Кулик. Да вот ростом не велик!

Не вынес насмешки Кулик и улетел.

Слово взял Журавль.

— Я, дорогие птицы-сестрицы, так думаю, что все эти Кулики да Галки — смех один. Ну, что это за птицы, когда я их перешагнуть могу! Нам надо, как я думаю, царя с длинными ногами, такими, чтоб его никто перешагнуть не мог!

Тут все птицы от хохота так и покатились: — Эх, Журавль, хороший ты мужик, да вот умом не велик. Иди-ка ты на своё болото и командуй там над своими лягушками.

— И на том спасибо, — ответил Журавль, — я и лягушками сыт. Мне ваша слава ни к чему. — И улетел.

Посмеялись птицы, но всё же смех смехом, а царя выбирать надо. Видят — сидит в стороне Сокол ростом не большой, но телом крепкий и гордый-прегордый.

— Вот Сокол, он действительно в цари подходит, — заговорили птицы. — В полёте он быстрее ветра, грудью крепче камня, глаз имеет зоркий. Чем не царь?

Ворона и Сорока рядом с Орлом сидели. Орёл птичью болтовню не слушал, клевал себе мясо, а Ворона и Сорока подбирали объедки и за спором следили.

— Ор-р-рла, Ор-р-рла! — закричала Ворона.

— Пр-р-равильно, пр-р-равильно! — подхватила Сорока.

Тут все птицы на Орла взглянули и выбрали его царём. А Сокол от обиды взмыл вверх и стал грозиться:

— Позора этого я вам вовек не прощу! Достанется от меня и внукам и правнукам вашим!

Так с тех пор и живёт Сокол в злобе на всех птиц и мстит им за свою обиду. А Орла и ныне птичьим царём называют. И за услугу прикармливает он Ворону и Сороку объедками со своего стола.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Чинисчи-победитель

1. Мальчик, вышедший из бочонка 8
2. Расплата за правду 9
3. Ханская награда 10
4. Девушка Чибек 13
5. У бая Мултыгана 15
6. Завистливый Майдох и жадный Мултыган 16
7. Что было на дне реки 19
8. Добро за добро 24
9. Зло за зло 26
10. Чиста ли у тебя душа? 20
11. Меч Ах-молата 30
12. Верность и защита 33
13. Предсказания Лунного камня 34
14. Каменный град 37
15. Чёрные зёрна 38
16. Злое семя 40
17. Первая битва 42
18. Победа 45

Сказки старого анчи

Утка 52
Хитрая Лиса 54
Перепёлка и Лиса 57
Синичка и Ленивый Мальчик 60
Петух и Косачиха 62
Кто умнее? 65
Как Хорёк проклял Хомяка 68
Как птицы царя выбирали 71

Редактор Е. И. Биневич
Техн. редактор Ф. Федорова
Корректор Н. А. Яковенко

Сдано в набор 20 ноября 1951 г. Подп. к печати 16 января 1952 г.
Печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 3,5. Тираж 30.000. Заказ № 2049.
НЕ 08953. Цена 1 р. 75 к

Отпечатано в 12-й типографии треста „Росполиграфпром",
Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

ИРКУТСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Вышли из печати и поступили в продажу книги для детей:

Сборник «Сибирские сказки», стр. 136, тираж 20000, цена книги 4 р., переплет 1 р. Художники **В. Фридеман** и **В. Болдин.**

В. Любимова. «Снежок», пьеса, стр. 72. тираж 10000, цена 1 р. 85 к. Художник **Е. Конев.**

К. Бохан. «Хмурый» рассказы, стр. 32, тираж 15000, цена 60 к. Художники **В. Фридеман** и **В. Болдин.**

И. Молчанов-Сибирский. «Малыши», стр. 24, тираж 50000, цена 2 р. Художник **В. Добровольский.**

Г. Кунгуров. «Бессмертное имя», стр. 40, тираж 3000, цена 80 к. Художник **Н. Шабалин.**

А. Иванов. «У синих гор», стр. 60, тираж 30000, цена 1 р. 30 к. Художник **Е. Конев.**

Кондр. Урманов. «Киликушка», стр. 92, тираж 30000, цена 1 р. 85 к. Художники **В. Фридеман** и **В. Болдин.**

Сборник «Край родной», стр. 212, тираж 15000, цена 4 р. 55 к. Художники **В. Фридеман** и **В. Болдин.**

1 р. 75 к.